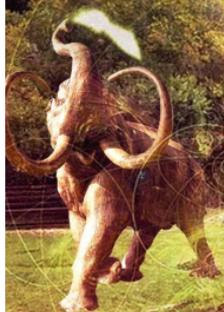

АНДРЕЙ
ДМИТРУК

Золотой маятник

Андрей Дмитрук

Золотой маятник

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18397081
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Необычная повесть, соединяющая напряжённый фантастический сюжет с большими документальными фрагментами. Человечество открывает дорогу в параллельный мир, представляющий собой гигантский заповедник для всех видов земных животных. Загадочная могущественная раса сохраняет тех, кого на Земле много веков подряд безжалостно уничтожают – на охоте, на фермах, для еды и для развлечения... Документальные главы рассказывают о чудовищных фактах истребления человеком всех прочих живых существ.

Содержание

I	8
II	12
III	14
IV	29
V	34
VI	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Дмитрук

ЗОЛОТОЙ МАЯТНИК

Романтическая фантазия

Жене моей Анне, а также памяти членов нашей семьи, собаки Риши и кота Бину Первого, посвящается

И одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом...

Екклезиаст 3:19

Блажен муж, иже и скоты милует, сердце же нечестивых жестоко.

Притчи Соломоновы 12:10

И станет плоть убиенных зверей в твоём теле твоей могилой. Ибо истинно говорю вам: кто убивает, убивает сам себя, и кто вкушает от плоти мёртвого зверя, вкушает от смерти.

Мирное Евангелие ессеев

Строго накази своё дитя, виновное в убийстве насекомого: с этого начинается человекоубийство...

Пифагор

...Убиваем безобидные и покорные существа,

*которые не могут причинить нам никакого вреда.
Ради куска мяса мы лишаем их жизни, на которую
они имеют такое же право, как и мы.*

Плутарх

*Что такое человек без зверей? Если все звери
будут истреблены,*

*человек умрет от великого одиночества духа.
Все, что случается со зверьми, случается и с
человеком.*

Индийская мудрость

*Чтобы понять, откуда в этом мире
Взялись все бедствия, оружие, войны, ссоры,
Приди тайком в полночный час к воротам бойни,
Прислушайся -
Всё в этом крике, леденящем душу...*

Старинное китайское стихотворение

*Пророк проходил мимо лучников, которые
стреляли в барана, и вознегодовал, и сказал: «Не
калечьте бессловесных тварей».*

*Однажды некий человек украл из птичьего
гнезда несколько яиц, а Пророк вернул их туда.
«Чтите Бога в этих неразумных тварях», – сказал
Пророк...*

Хадисы (деяния и высказывания Пророка Мухаммеда)

*Что такое сердце милующее? – Возгорание
сердца у человека о всём творении, о человеках, о*

птицах, о животных.

Преподобный Исаак Сирин

Если человек стремится к свободе, зачем он птиц и зверей держит в клетках?.. Человек воистину царь зверей, ведь он жестоко истребляет их. Мы живём смертью других. Мы ходячие кладбища!

Леонардо да Винчи

*...Тяжело мне, право,
Что этих глупых, пёстрых бедняков,
Туземных горожан пустыни этой,
В их собственных владеньях здешних мы
Колочими стрелами настагаем
И раним в кровь их круглые бока.*

Вильям Шекспир. «Как вам это понравится»

Животные – несчастные рабы и жертвы самой зверской части человечества.

Джон Стюарт Милль

Когда человек хочет убить тигра, он называет это спортом; когда тигр хочет убить человека, тот называет это кровожадностью.

Джордж Бернард Шоу

Беспредельное милосердие Божие может быть распространено не на одних людей, а также и на

прочие Божьи создания.

Николай Лесков

Мы не способны никого сотворить, а поэтому не имеем права убивать ни одно живое существо. Состряпанные человеком законы, проводящие различие между убийством человека и убийством животного, несовершенны... По закону Бога убийство человека и убийство животного одинаково наказуемы.

Шрила Прабхупада

I

Бонго любил публику, но она была для него чем-то слитным. Этакое громадное добродушное существо, обнимавшее со всех сторон круг манежа. Впрочем, тело существа однородным не было. Из некоторых мест изливались самые щедрые ручьи доброты и восхищения. Там сидели дети. Иногда из какой-нибудь точки в рядах укалывала искра отвращения или брезгливости, – но это бывало редко. Держа в объятиях манеж, самого Бонго и его наставницу, публика ревела, хлопала и хохотала, ёрзала сотнями ног и пахла десятками разных запахов, – но, тем не менее, представлялась вполне дружественной великаншей. Порой Бонго содрогался перед её громадностью, думал о том, что она может одним лёгким движением оставить мокрое место от него и от Эльвиры. Но тут же возвращался к мысли о надёжном дружелюбии публики.

Конечно, Бонго очень нравились мандарины и сладкие ку-сочки банана, которыми он угощался во время номера. Но он работал не за подачки, а потому, что хотел нравиться Эльвире, ждал её похвал. А ещё – любил находиться в центре живого громадного кольца, в фокусе его смеха и восторга. Ничего более приятного, чем манеж, Бонго в своей жизни не знал – и поэтому старался.

Номер у них был салонный, в добром духе старого цирка.

На манеж выносили столик и стул, – действие происходило в ресторане. Под неистовый рёв великанши-публики выходил, ковыляя, Бонго, – руки на треть длиннее ног, – в полосатом костюме с хризантемой на лацкане, в лаковых штиблетах. На его крахмальной груди топорщился, шире плеч, галстук-бабочка в горохи. На голове сидела лихо заломленная белая шляпа.

Сев за столик, Бонго сбрасывал сначала шляпу, а погода – штиблеты. Последнее обстоятельство позволяло ему орудовать всеми конечностями. Приводя публику в экстаз, Бонго четырьмя пятернями брал и листал меню, пальцем ноги показывал выбранные блюда; затем, когда ему подавали обед, то рукой, то ногой схватывал вилку, нож и ложку, салфетку или бокал; обрезал и раскуривал сигару.

И всё это время вокруг него порхала прелестная Эльвира в образе официантки, расточая вспышки улыбок передним и задним рядам: короткое голубое платьице, белые босоножки на высоченных каблуках, кружевной передник, наколка...

В конце наступал апофеоз: хорошенько наевшись фруктов и сладкой каши, из винной бутылки выпив сока, выкурив гавану, Бонго пытался удрать, не расплатившись. Но дрессировщица вместе с униформистами ловила его по всей арене. Четверорукого артиста хватали за одежду, срывая с него одну часть туалета за другой. Наконец, Бонго оставался в одной бабочке – и внезапно для преследователей взлетал по свисавшему канату под самый купол. Оказавшись там, он из гал-

стука доставал денежную бумажку, показывал её сверху, визжал, кривлялся, делал «длинный нос». Дети от хохота скисали... Впрочем, номер оканчивался примирением. Бонго великодушно спускался и отдавал деньги Эльвире; та целовала его, и оба, взявшись за руки, раскланивались.

Вот и сегодня: номер подходил к концу; Эльвира, налив Бонго очередной бокал «красного» (она научила его пить с ужимками ухаря-пьяницы, что тоже безумно смешило народ), упорхнула с арены; он, хлопнув «вино» и усиленно дымя сигарой, уже воровато озирался на униформистов, – как бы дать дёру... И тут словно что-то ужалило его, да как! Нет, – скорее ткнул в загривок твёрдый горячий палец. Бонго замер, съёживаясь; затем медленно, осторожно, по примеру дедов и прадедов, воспитанных джунглями, оглянулся.

Произошло странное и страшное: публика перестала быть единым существом, она рассыпалась на зрителей: разные лица, смеющиеся рты, хлопающие ладони. Правда, все зрители любили Бонго, искренне радовались каждому его жесту и гримасе... Но нет, не все! Один сидел внизу, вблизи от барьера; именно его взгляд огнём коснулся затылка Бонго.

Артист ничего не понимал в человеческой внешности. Так, он понятия не имел, что Эльвира стройна и красива; он только чувствовал в ней сильную самку-вожака, строгую и ласковую, ту, которой нельзя не подчиняться и которую нельзя не любить. Подобным образом не увидел Бонго и человека с раскалённым взглядом. Разве что отметил про се-

бья: самец, невелик ростом и хил; в честной борьбе не продержался бы и минуты... Но зато узнал главное: мысли этого самца ужасны, и предмет ужасных мыслей – он сам, Бонго! Мало того: человек, замысливший злое, не одинок; за ним (далеко, грозно) маячит кто-то, неизмеримо более опасный. У того, дальнего, целое стадо подобных злых людей в подчинении... А зачем им всем Бонго? Ответа нет. По крайней мере, определённого. Чудится что-то... некое тайное место, где ему готовят несказанную муку... готовят какую-то особенную неволю, внутреннюю!

Всё расплылось, остался лишь дикий страх. Но Бонго и представить себе не мог, как это он ослушается и подведёт Эльвиру; не смел он также обидеть добрых людей, от души смеявшихся и хлопавших ему. Поэтому артист не рванул на всех четырёх с манежа, как ему сейчас больше всего хотелось. Довёл номер до конца. А когда оказался под куполом, невольно ещё раз глянул на того, источавшего ужас. Но в плотно занятых первых рядах зиял пробел; ряд задранных лиц прерывался квадратом пустого сиденья.

Человек ушёл. Но Бонго был уверен – не навсегда. Так прадеды его чувствовали тайное кружение леопарда вокруг деревьев, где кормилась семья.

II

– Господи, чепуха какая! Почему они не могут заказать шимпанзе обычным поставщикам? Скажем, тому же Диасу? Его ребята отлавливают зверьё даже в национальных парках...

– Диас!.. – Маленький жёлчный Кромарти подошёл к окну, с большой высоты глянул на проспект, обставленный такими же башнями, как та, где находился офис их агентства. Обернувшись к Ленгу, покачал головой: – Мартышки Диаса, брат, годятся только для ресторанов, где гурманы едят обезьяньи мозги. Точнее, их мозги годятся только для еды... Насколько я понимаю, здесь всё дело именно в мозге. Фитцпатрик темнит, понятное дело, но я всё-таки уразумел: этот шимпанзе особенный, на нём собираются ставить опыты. Да ты бы посмотрел на него на манеже! Честное слово, это не дрессировка, это дружба и сотрудничество. А девочка с ним – чудо! Синеглазая блондинка, стройная, как свеча...

Полный, добродушного вида Ленг курил и улыбался, платком вытирая залысины, – ему и при кондиционере было жарко. Он знал цену восторгам друга. Тот рьяно ухаживал за женщинами, но при необходимости мог из галантного поклонника разом превратиться в мастера «допроса с пристрастием»...

Ленг спросил:

– Как ты думаешь, сколько заломит директор цирка? Я думаю, если учует, как нам нужна его макака, – устанем писать ноли в чеке! Хотя – Нортон не обеднеет...

Плюхнувшись в кресло, Кромарти помотал гладко причёсанной головой:

– Я опасаюсь другого. Отказа! Знаешь, в маленьких цирках каждое животное – член семьи. Есть такие люди, которых и деньги не берут. Та же блондиночка расплатится, и...

Ленг хохотнул, доставая следующую сигарету из пачки, вставленной на столе в медную подставку.

– Ну, значит, судьба твоя, брат, – идти к Диасу! Один шимпанзе похож на другого.

– Нет, не судьба, – процедил сквозь зубы Кромарти, и глаза его расширились. – Не судьба, дружище. За подмену нас с тобой – ох, как не пощадят! – Он наклонился поближе к партнёру. – Нортон, брат, знают все, но не каждый знает, что «крёстные отцы» любых мафий – в сравнении с ним ученики воскресной школы... Если бы обезьяну можно было просто купить, он бы послал за ней клерка. И помельче, чем Фитцпатрик. Они предвидят отказ, потому нас и наняли. Так что готовься к делу, милый Крис...

III

Однажды наш с вами далёкий предок выпрямился во весь рост, стоя на задних лапах. Взор его разом охватил всю ширь горизонта, впечатления хлынули потоком, быстро развивая и совершенствуя мозг. В то же время освободились передние лапы, достаточно ловкие у больших приматов...

Отчего и как произошли эти чудеса, учёные спорят со времён Дарвина и по сей день. Одни полагают, что пра-человек бродил по земле, постепенно обучаясь пользоваться орудиями труда, – и чем чаще он брался за эти орудия, тем решительнее опора тела перемещалась на задние конечности. Другие считают, что наши предки овладели прямохождением вынужденно, спустившись с деревьев, – возможно, из-за неких климатических перемен, погубивших леса. Дескать, оказавшись в степях с высокой травой, пращуры попали в зависимость от местных хищников – и, чтобы как-то уравнять шансы, стали подниматься на задние конечности и смотреть поверх травы... Третьи, склонные к парадоксам, знатоки утверждают: мол, протолюди были плавающими, рыбаодными – и волей-неволей поднимали головы над мелководьем. Потом море отступило, а протолюди так и остались – стоящими на задних лапах...

Ныне наиболее доказанной считается гипотеза о древесном, «лазающем» прошлом человеческих пращуров. То есть,

они жили на высоких «этажах» тропического леса, подобно нашим современникам – человекообразным обезьянам, и там развили свои руки, а вслед за ними интеллект. (Вспомним старинное изречение: «Рука – учитель и слуга мозга».) Но на кого же более всего походил этот косматый древолаз? На гориллу, орангутанга, шимпанзе, гиббона?..

Ближе всего к человеку, анатомически и физиологически, стоят горилла (*Gorilla gorilla*) и шимпанзе (*Pan troglodytes*). Но когда зоологи сравнили строение их передних конечностей, – оно оказалось совершенно разным! По словам одного из эволюционистов, движения гориллы напоминают... шаг слона, а громадные руки практически не сгибаются! Обезьяны-гиганты опираются при ходьбе на фаланги пальцев; как из такой позы поднимешься и освободишь кисти рук?! Да и ходят гориллы главным образом понизу, редко забираясь на деревья.

Другое дело – шимпанзе! Эта обезьяна легко и ловко лазает по деревьям – до самых «верхних этажей» джунглей. *Pan troglodytes* пользуется руками не для того, чтобы на них опираться, а для хватания за ветви. Прямой путь к овладению палкой, камнем, инструментом...

Если к этому прибавить тот, открытый генетиками, факт, что шимпанзе из всех животных наиболее подобен человеку своим набором генов, – разница составляет полтора-два процента, – вывод может просто потрясти. Мы и есть шимпанзе! Тронь чуть-чуть хромосомы человека, – он уменьшится

в росте и обрaстет красивой чёрной шерстью; наоборот, измени их у шимпанзе... Да, видимо, так оно и было миллиона два лет назад. Что-то (что?) слегка переставило молекулы в генах африканских обезьян, мирно лазивших по лианам, и дети этих славных мартышек, теряя мех, стали расти и выпрямляться. Может, и вправду от внезапного похолодания или иной космической катастрофы погибли материнские леса; кто из приматов не наловчился жить на земле, успешно отбиваясь от хищников, строя себе шалаши, быстро передвигаясь и умело добывая пищу, – тот погиб со всем родом...

Скоро вчерашние шимпанзе стали пользоваться орудиями, разработали сложный словесный язык. На Земле явилась разумная раса. Был сделан первый шаг к Акрополю и «Сикстинской мадонне», «Евгению Онегину» и $E = mc^2$?

Но великое схождение обезьян с ветвей имело не только добрые последствия. Почти что строгие вегетарианцы, шимпанзе лишь изредка «разбавляли» фруктовую диету пойманным грызуном. Наступление ледников покончило с плодовым изобилием. И вот, потомки troglodytes'ов начали беспощадное истребление всего животного мира.

Пришло время, когда новые хозяева Земли стали не только убивать ради пищи, шкур и костей, но и заниматься исследованием животных. Чаще всего люди делали это, чтобы узнать, как добыть ещё больше мяса, костей и шкур. Кроме того – пытались, замучив, изрезав или отравив как можно больше беспомощных пленников, разобраться в собствен-

ных организмах и научиться хорошо лечить себя. С «неразумными» собратьями по природе знакомились всё лучше. Впрочем, не столько, как с одушевлёнными существами, сколько как с живыми механизмами. Могли изучить до мелочей, скажем, приёмы полёта какой-нибудь птахи и воспроизвести их затем в своих летательных аппаратах. Но даже на йоту не приближались к пониманию того божественного восторга, который заставляет эту птаху взлетать и петь, паря в лучах утреннего солнца...

Мало кому из зазнавшихся *Homo sapiens* приходило в голову, что психика «братьев наших меньших» (глупейшее определение – большинство этих «братьев» старше нас на многие миллионы лет!) имеет совсем другую природу, чем человеческая. Что тысячи веков жизни и развития порознь, а порой и в жёстком противостоянии, человека и других биовидов – привели к огромной несхожести *Homo* со всеми прочими землянами. Нельзя даже ставить вопрос о том, кто «умнее», человек или лошадь, человек или жук-бронзовка, человек или инфузория. Если наш топорно-прагматичный разум двигался, прокладывая себе дорогу огнём и сталью, – фасеточные глаза стрекоз и вибрисы кошек, боковые линии рыб и тепловые «локаторы» змей позволяли узнавать мир, не преображая его. Мы ломали и боролись, – они сливались и жили. И одному Богу известно, чей механизм познания совершенней, чьи возможности – выше...

Изучили мы и своих весьма возможных прадедов, Рап

troglodytes. Используя длиннофокусные объективы и сверхчуткие микрофоны, дознались обо всех мелочах их жизни в тропической чаще; прибегая к новейшей аппаратуре, постигли внутреннее строение и физиологию обезьян. Но ни одному седовласому профессору, ни одному молодому дерзкому естествоиспытателю не пришло в голову, что шимпанзе может быть ясновидцем!

А Бонго – был. Со времени той злосчастной встречи в цирке, с тех пор, как он попал в поток расчётливо-хищных мыслей, кружившихся в голове щуплого брюнета из первого ряда, – бедняга ждал горя. Репетируя номера с Эльвирой, лакомясь фруктами или курятиной, гуляя во внутреннем дворе цирка, а то и, за руку с наставницей, в городском парке, – он всё время слышал, как часто и глухо бьётся его сердце, и рот шимпанзе пересыхал. Эльвира чуяла тревогу своего «малыша» и ласкала его более, чем обычно, но обезьяна продолжала нервничать. Ночами почти не спала, совсем по-человечески вскрикивая и просыпаясь от кошмаров. Мерещилось Бонго, что тот прокрадывается в его комнатку со сдвижной решётчатой дверью; уже совсем другой, чем на представлении, без лица, враг словно даже не руки, а стальные горячие крючья протягивал во тьме к перепуганному зверю...

Дни шли за днями, зложелатель всё не появлялся; жизнь текла по-прежнему размеренно, – но не приходил покой к обезьяне, обострённое чутьё подсказывало: всё ближе, ближе страшный миг, рисуемый снами!..

Прошло ещё несколько однообразных осенних дней, – репетиции, прогулки, еда, сон, вечерний манеж; Бонго бы успокоиться, но куда там! Однажды после завтрака у него, как нарочно, разболелся живот, – должно быть, остались на плодах ядохимикаты или что-нибудь в этом роде. Издавая жалобные стоны и глядя себя по брюху, Бонго показывал: больно!.. Эльвира, тут же пустив слезу и заметавшись, побежала звонить ветеринарам.

Шимпанзе хорошо знал врача, лечившего цирковых животных, – низенькую смешливую Агату с большой родинкой на щеке, вроде виноградины. Она работала в городской ветлечебнице и являлась в цирк по договору. Однако на микроавтобусе с эмблемой клиники приехала незнакомая докторша, с туго-натуго стянутым хвостом волос и в квадратных очках. Пощупала живот Бонго, спросила, как вела себя обезьяна со вчерашнего вечера, не было ли расстройства желудка... и вдруг заявила, что дело плохо и надо везти зверя в больницу. Вот тут-то наш герой и обмер от ужаса!..

Ах, какая жалость, что не дано людям понимать язык животных! Тем более, что живые твари (все, вплоть до насекомых) отлично разумеют нашу речь... Уж как Эльвира (несмотря на красоту, одинокая) любила своего «малыша», «сыночка», – но и она не восприняла его ужимок и отчаянных выкриков, его судорожного оскала и панического лепета, его попыток то напасть на докторшу, то забиться под диван. В конце концов, видя, что на шимпанзе не действуют

ни ласки, ни уговоры, дрессировщица просто прикрикнула на него и спросила врача, нельзя ли как-нибудь «успокоить этого дурака». А очкастая, всё время делавшая вид, что она тише воды, ниже травы, – весьма охотно закивала Эльвире и сказала, что у неё есть такое средство.

Вдвоём с Эльвирой они навалились на Бонго, хоть малого ростом, но сильного, точно грузчик. Удалось продержат его прижатым к полу с четверть минуты, – этого хватило докторше, чтобы вытащить из сумки и всадить в бедро обезьяны заранее заправленный шприц... К своему несчастью, Бонго продолжал видеть и ощущать всё, что творилось вокруг, только не мог теперь шевельнуть и пальцем. Эльвира с очкастой донесли его до микроавтобуса. Тут бедного troglodytes'a ждал новый приступ страха: рыжий здоровяк-водитель, одетый, как и докторша, в тёмно-зелёное, излучал те же хищные желания, что и очкастая, и давешний человек в цирке. Глядел пристально, цепко, словно забираясь внутрь. А за ними всеми вставал большой тёмный хозяин...

Они хотели увезти шимпанзе с собой, и вовсе не в больницу. И это утреннее отравление – тоже наверняка их дело!.. Бонго хотел сказать обо всём этом, крикнуть Эльвире, охраннику Эду, всем цирковым, что столпились вокруг «скорой» и сочувственно смотрели, как увозят шимпанзе, – хотел, но не издал даже писка, не моргнул выпученными глазами.

Эльвира, конечно, набивалась поехать в больницу вместе

с Бонго, однако докторша возразила. Видя рядом с собой или даже чуя через стену свою подругу, – шимпанзе будет волноваться, мешать врачам и сёстрам проводить необходимые процедуры. Уж она-то, опытный ветеринар, знает повадки больших приматов, – слава Богу, обслуживает и зоопарк!.. Да и вернётся «парень» очень скоро, ещё до вечера. Деньги? Нет, что вы, потом, – после лечения...

Дрессировщица не спорила, признавая правоту очкастой. Они с Бонго столь близки, что наверняка будут беспокоить друг друга...

На прощание Эльвира зацеловала шимпанзе и обмочила его слезами. Докторша, пристроив его на слишком большой койке в салоне, пристегнула ремни; рыжий водитель дал газ...

Бонго в ветлечебнице не бывал, но слышал от той же Агаты, что клиника буквально в двух кварталах от цирка. А сейчас машина уезжала всё дальше и дальше, петляла по улицам. Шимпанзе не видел, где они едут, стёкла с регулируемой прозрачностью были затемнены, – но иные чувства подсказывали: вот выехали за город; вот устремились по прямому, словно коридор, шоссе... Конец, конец бедной его головушке! Не смерти ждал четверорукий ясновидец, но чего-то, пожалуй, ещё худшего: сначала – страданий в белой, ледяной, стеклянной комнате, а затем – непостижимого, всеохватывающего рабства, при котором его будут водить на незримой цепи, и каждый шаг в сторону принесёт новые муки...

И вдруг ощутил Бонго прикосновение надежды. Почти незаметное, но всё же...

Он начинал чувствовать пальцы ног.

Видно, не самым сильным «успокоительным» напичкала его докторша, а может, время действия не рассчитала, – но стал проходить паралич!

Теперь уже Бонго хотелось одного: чтобы подольше не оканчивалась поездка. Очкастая хоть и сидела рядом, но не слишком часто оглядывалась на пленника. Она была уверена и в лекарстве, и в ремнях, притягивавших обезьяну к койке. Однако наш герой, хотя и мог уже слегка шевелить конечностями, оставался неподвижен, точно мумия. Он ждал, пока чувствительность вернётся ко всем мышцам; пока проснутся для действия плечи и колени. И Бонго, тренированному циркачу, удалось сохранить окаменение до тех пор, пока он не обрёл своё тело готовым к внезапному броску.

Впрочем, бросок не мог быть бессмысленным. Судя по ровному покачиванию машины, по тишине снаружи, они всё ещё мчались безлюдным шоссе. Бежать было некуда. Этой дорогой они с Эльвирой когда-то добирались от аэропорта до города; шимпанзе помнил, что по обе стороны расстилались поля. На равнине обезьяну догонят в два счёта... Что же делать, чего дожидаться?!

Тут машина остановилась.

И Бонго вспомнил, что, когда они год назад ехали в город, автомобиль, присланный цирком, тоже притормозил здесь.

На железнодорожном переезде.

Значит, опущена косо-полосатая палка, которая не даёт проехать. И машинам надо стоять, пока не прогрехочет мимо что-то громадное, длинное, пышущее жаром... Эльвира говорила, это поезд, он возит людей и грузы в дальние края.

Вот и сейчас: ложная докторша с водителем, должно быть, ещё не слышат, но уже дрожит земля, гудят стальные полосы на насыпи, чуя приближение тяжёлых колёс. Поезд идёт. Ближе... ещё ближе... пора!

Очкастая и вскрикнула-то поздно, а вскочив, так бахнулась головой о низкий потолок, что упала. Делом мгновений, неуловимых для человеческого глаза, было для Бонго: выскользнуть из-под ремней (это людям они были бы тесны!), прыжком одолеть расстояние до задней двери, дёрнуть ручку, и... Он был свободен!

Мимо шлагбаума и в самом деле шёл голубой поезд, поскрипывая цепью окошек. Не найдя лучшего варианта для бегства, Бонго вихрем пронёсся по дороге и, вложив все силы в несколько прыжков, очутился сначала на сцепке вагонов, а затем на крыше одного из них.

Однако беды на том не кончились. Не теряя времени, «скорая помощь» сорвалась с места и по грунтовке, шедшей рядом с рельсами, стала догонять. Оттого беглец резво поскокал по крышам вагонов, то и дело свешиваясь на стороны – нет ли открытого окна? И нашёл-таки! Мохнатым пауком ворвался в служебное купе, – с воплем шархнула провод-

ница, уронила поднос, заставленный стаканами.

Пробежав мимо нескольких дверей, за которыми слышался говор, до смерти напугав ещё какого-то старика, кутившего у окошка, Бонго влетел в тамбур... и окончательно понял, что поезд для него – не укрытие. Через секунду открылась толстая дверь, и вошла шумная подвыпившая компания из вагона-ресторана. Счастье, что был приотворён туалет, – шимпанзе пулей влетел туда и притаился...

Ещё большим везением оказалось, что никто из гуляк не зашёл вслед за обезьяной, облегчиться. С хохотом проследовали дальше.

Машина, следовало думать, мчалась по просёлку справа от путей. Значит, придётся выпрыгнуть налево. Но куда? Кругом всё ещё открытая равнина; поля, после уборки подобные небритым щекам; ограды и кровли ферм, желтеющие лесополосы. Мелькнула бензоколонка... не то! Негде укрыться от погони!..

Бонго уже начало охватывать отчаяние, когда они въехали в другой город.

Мелькавшие мимо дома с перспективами прорубленных в их массе улиц неожиданно приободрили: вот простор для бегства и прятков! К тому же, исчезла машина преследователей; наверное, не было прямого проезда рядом с путями... Прыгать, что ли? Но окна тамбура были наглухо задраены.

В этот момент дверь снова распахнулась, и из-за неё волной смрадного холода ударил страх.

Они уже знают, что обезьяна в поезде. Наверное, доложила эта парочка из «скорой помощи», – а может быть, пассажиры, напуганные Бонго. Не важно. Главное другое – то, что мужчина в фуражке, с блестящими пуговицами на одежде, держит наготове брезентовый мешок, а за ним маячит ещё кто-то, с верёвкой в руках. И с другой стороны, из вагона, крадутся – хватать, вязать...

Не дождётесь!

То ли в цирке научился Бонго этому отчаянному приёму, то ли унаследовал его от дедов-прадедов из африканской гилеи¹, а может быть, и сам додумался в миг величайшей опасности, – но, свернувшись тугим мячом, ударил, будто снаряд, мужчин с мешком и верёвкой в межвагонном переходе, – оба с криком отшатнулись.

Он влетел наугад в соседний вагон. Дверь купе отодвинута? Отлично! Там ещё кого-то, неловко преградившего путь, цапнул зубами за руку – слава всем лесным богам, окно было опущено, – и под дружный хор криков и брани выпрыгнул вон из поезда...

...приземлившись на все четыре точки посреди торгового порта.

Распахнувшееся пространство, ход огромных механизмов и могучий шум заставили прижаться к бетону... Шимпанзе, конечно же, понятия не имел, что такое корабли, тесно стоящие у стенки; почему вертятся клювы подъёмных кранов,

¹ Г и л е я (от греч. *hyle* – лес) – влажные экваториальные леса Африки и Азии.

зачем бегают автокары и какие грузы лежат в тюках, контейнерах или просто грудями навалены на площадках. Всё это была непостижимая путаница, подвижный и громозвучный шифр, в котором знаками препинания служили великанские гудки... Но то самое глубинное чутьё, которое помогало нашему герою отличать добрых людей от злых и предвидеть будущее, – чутьё подсказывало теперь: здесь – ворота в родной, давно потерянный мир!

Там, за толчейей порта, за корпусами судов, блестит пологая серо-синяя гора. Если одолеть её подвижный, волнующийся склон, – можно достигнуть зелёного жаркого леса. Там малыш Бонго бывал беспечен, укрываясь от непогоды или чужой ярости на косматой груди самого близкого, ласкового существа... Его пальцы дивно утешали, улыбка несла покой. Что же это был за чудесный друг? Бонго не помнит. Но – был... Потом его заменила Эльвира. Вот бы и её туда же, в уютный лес детства. И жить всем вместе...

Басистый машинный рык! Мечтать здесь не приходилось. Рубчатая шина самосвала едва не наехала на сжавшегося шимпанзе; увернувшись и отпрыгнув, он попал в ароматную кучу какао-бобов. Подобно альпинисту, Бонго взобрался по ней, скатился по другую сторону. Гремя и звеня, двигался на него по рельсам кран; он снова уклонился от страшной встречи – и вдруг услышал свист, крики... Сбегались рабочие, в обезьяну запустили пивной бутылкой. Бонго упрямо скакал к морю.

Вот и оно, стиснутое стальными бортами, бьющееся в ущельях между ними!.. По швартовочному тросу Бонго вспорхнул на первую попавшуюся палубу – она была пустынная – и спрятался в ближайшей надстройке.

То была случайно не запертая подсобка камбуза; из ящиков, загромождавших её, сочились запахи пищи... но совсем не такой, какую любил Бонго! Не было здесь ни свежих фруктов, ни дынь, ни мясных деликатесов.

И вот, сжавшись между пахнущими гнилой рыбой ящиками, наш герой впал в совершенное отчаяние. Он понял главное: в мире людей одинокой обезьяне – не жить! Добраться до лесов детства, конечно же, не удастся. Если его не изловят те, с их ледяной комнатой пыток, – всё равно: без подходящей еды, без надёжной крыши над головой, без ухода и защиты (Эльвира, Эльвира!..) Бонго погибнет очень быстро. А за еду и защиту, даже если их и предложат, придётся заплатить дорого...

Он знал, что люди умеют общаться на любом расстоянии, находить друг друга, не видя. Для этого они применяют плоские коробочки, мигающие красивыми огоньками. Больше всего на свете желал бы он связаться с Эльвирой, – но не было рядом такой коробочки, да и не представлял шимпанзе, как ею пользоваться... Сделай Бонго хоть шаг из своего нынешнего укрытия, что там, – просто засидись в вонючей камерке, пока не придёт кто-нибудь, и судьба его решена. Он не ведал, что значит стать живой игрушкой корабельной ко-

манды, не представлял себе клетку в зоопарке, – но твёрдо знал, что в любом случае не вкушать ему прежней свободы, не быть подле любимой наставницы. И вообще не жить ему отныне, а маяться!..

Ran troglodytes решения принимают быстро. Чёрный лохматый ком прокатился палубой, заставив перекреститься вахтенного матроса; задержался чуть у ограждения борта – и прыгнул в море.

IV

– Заходи, заходи, – сказал Гаецкий в ответ на стук Эльвиры.

Она вошла в кабинет, по обыкновению, одетая удобно и скромно: клетчатая ковбойка под серой курточкой, джинсы, белые туфельки на невысоком каблуке. Платиновые волосы Эльвиры были перехвачены голубой лентой. Директор родного цирка «Уникум», мужчина пожилой, рыхлый и донельзя затравленный ревнивой женой, ездившей с ним на все гастроли, – директор давно уже не замечал (или не смел замечать) женской красоты. Зато его гость, незнакомый Эльвире, – росту малого, подвижный, итальянского типа брюнет с желтоватым цветом кожи, – так и вскочил со стула перед директорским столом, и разулыбался, показывая восхищение... Любитель сладко пожить и бабник, – решила она, увидев, сколь щеголевато, даже с платочком в кармане синего клубного пиджака, одет гость. Но тут же усомнилась в своём выводе. Восторг читался в позе и в лице незнакомца, но не в его глазах, пристальных и сверлящих. Можно было подумать, что он уже просветил дрессировщицу рентгеном, насквозь, и узнал все её нехитрые мысли.

– Тут вот к нам... – сказал Гаецкий, почему-то не глядя на Эльвиру и катая по столу чёрно-белый маркер. – Это частный детектив, девочка, и мы его приглашаем найти твоего

Бонго. Он хочет с тобой поговорить.

Гость поклонился.

– Кромарти, Георг Кромарти, – сказал он убеждающе. – Частное агентство «Ленг и Кромарти».

Эльвира, которую редко приветствовали столь церемонно, пару секунд колебалась, – как ответить? Уж не присесть ли в книксене, подобно всем этим леди из исторических сериалов?.. Потом решила – обойдётся, и просто кивнула.

– Эльвира Скан.

– О, я вас знаю, зна-аю, я ваш давний поклонник!..

Она села напротив сыщика и попыталась ответить ему столь же упорным, пронзительным взглядом. Но не выдержала соревнования.

– Вот, – сказал директор, снимая напряжённое молчание, – господин Кромарти хочет предложить тебе поехать с ним. Вместе поискать обезьяну.

– Да, – кивнул детектив. – Видите ли, у нас... у меня есть все основания считать, что вашего шимпанзе похитили.

– Ага, – подтвердил Гаецкий. – В ветеринарной клинике его видом не видели, и никакой похожей докторши у них нет. Мало того: в клинике не принимали твоего вызова! Похоже, у кого-то хорошая техника, и он перевёл твой звонок на свой телефон...

– Очень может быть, – снова закивал Кромарти, – сейчас возможно и не такое!

– Ну, так вот, девочка...

– Позвольте лучше мне, – вежливо перебил сыщик. – Мадемуазель Скан... Дело в том, что о пропаже вашей... вашего друга нам стало известно не от господина Гаецкого. Я сам сюда пришёл, по своей инициативе. Мы уже довольно давно отслеживаем исчезновения животных – и диких, и домашних. Похоже, что в стране работает организация, снабжающая живностью... ну... скажем, некие лаборатории, где делают опыты. Нехорошие опыты, запрещённые законом, как мучительство. У нас с коллегой Ленгом много... считайте, внештатных информаторов. – Он перевёл дыхание, и зрачки его сузились до размеров острия иглы, уколов объятую страхом Эльвиру. – Есть основания считать, что вашего Бинго...

– Бонго, – машинально поправила она.

– Ух ты! – вдруг широко раскрыл глаза Гаецкий. – Вы, ребята, не помните, но был когда-то очень смешной фильм – «Бинго-Бонго»! Про обезьяночеловека из Африки. Там ещё играл Челентано, вы его точно не знаете...

– Знаю, – отмахнулась Эльвира. – Папа как раз и назвал Бонго в честь того... ну, которого играл Челентано. – Рывком обернулась к детективу: – Ну, ну, так что – «есть основания считать»?..

– Что вашего Бонго могут увезти за границу. Но мы постараемся этому помешать...

– Как?!

– Это вопрос техники. Но если вы хотите снова его увидеть, – надо ехать со мной.

Эльвира умолкла. Сыщик говорил убедительно, ему трудно было не поверить. И всё же... ей определённо не нравился этот человек. Более того, при всём горе, которое испытывала она в разлуке с Бонго, при всех опасениях за его судьбу, – дрессировщица не хотела, чтобы Кромарти нашёл шимпанзе! Она не знала, совершенно не понимала, откуда в ней взялось это жгучее, недоброе чувство, – но оно росло и крепло... Кромарти не должен заполучить её «сыночка»! Сейчас она скажет ему, что должна подумать; детектив уйдёт, а Эльвира уговорит Гаецкого, чтобы тот нашёл другое агентство. Если понадобится, она будет действовать через Жюли Гаецкую. Если...

– В общем, девочка, с сегодняшнего дня ты поступаешь в распоряжение господина Кромарти, – сказал вдруг директор, поймав катавшийся маркер и концом его стукнув об стол. – Деньги уже уплачены, так что... Представлений у тебя сейчас, понятное дело, быть не может, – но средний заработок мы тебя сохраним, да. На время поиска. Бонго все любят... публика любит, девочка. Мы намного, очень намного больше потеряем, если не пойдём на эти расходы. Так что давай, я тебя отпускаю. Иди с господином детективом, договаривайся, что и как. – И, сделав отпускающий жест, добавил: – Не обижайте нашу девочку, уважаемый. Она у нас лучшая из лучших!..

– О-о! – Вставая, сыщик изобразил удивление и обиду. – Вы это говорите вернейшему почитателю мадемуазель

Скан!..

У неё упало сердце. Всё было решено за Эльвиру, решено и подписано. Кромарти пропустил её вперёд; она буквально чувствовала, как его взгляд сверлит выше лопаток, но старалась выглядеть спокойной.

V

Поздним вечером того же дня они сели в скорый поезд и отбыли на юг. Купе было отличное, на двоих, – сыщик не стеснялся в расходах. Кромарти оказался великолепным рассказчиком; когда он говорил, Эльвира напрочь забывала о своей подсознательной неприязни. От истории про мужа, который нанял детектива для слежки за своей легкомысленной женой, нашёл любовника, явился к тому домой с пистолетом в кармане – и, обнаружив в квартире не коварного соперника, а его смазливую супругу, с порога в неё влюбился, – от этой истории, кончившейся тем, что стороны поменялись местами, и жена ревнивица наняла Кромарти следить за своим благоверным, Эльвира хохотала на весь вагон. Тем более, что Георг (они уже звали друг друга по имени) всё подливал красного вина... Впрочем, сыщик вёл себя безупречно. Явно восхищаясь красотой Эльвиры, он, тем не менее, оставался в рамках самой строгой почтительности.

Утро пришло пасмурное; за домами города они увидели серо-голубой щит моря. Сошли на следующей станции.

Девушку поразила лихорадочная спешка Кромарти. Зайдя в ближайшую гостиницу, он даже не стал брать номера, а оставил сумки, свою и Эльвирину, в камере хранения. Затем они наскоро выпили в баре кофе – и вышли...

Кромарти уверенно повёл дрессировщицу лабиринтом

пропахших рыбой улиц прямо к берегу. Здесь было пустынно, лишь сушились на кольях рыбацкие сети. Толстый слой гниющих водорослей и морского мусора покрывал гальку. Слева рассекал полосу прибоя бетонный мол с одинокой привязанной баржей. Справа, за змеистым мысом, высились в мареве краны и мачты, призраком вставал вынесенный к горизонту маяк. Там лежал большой торговый порт.

Эльвира беспокоилась всё больше. Почему они даже толком не позавтракали? Похоже, Кромарти не хочет, чтобы их заметили в городе...

– Честно? Не хочу, – подтвердил сыщик. Они стояли у самой кромки прибоя; день выдался ветреный, и приходилось говорить громко, чтобы перекрыть сильный плеск волн. – Надо быть как можно незаметнее. Мы ищем обезьяну, а эти... похитители животных... вполне могут следить за нами.

– Так что же мы должны...

Георг конспиративно понизил голос:

– Выманить вашего Бонго, вот что! Насколько я знаю, он сирота и холостяк. Поэтому, если и соскучится о ком-нибудь, то только о вас, госпожа Скан. Если вы будете близко, – вырвется у тех, кто его держит, и прибежит к вам.

– Да как же он узнает?..

Георг приблизил губы вплотную к уху дрессировщицы.

– Слушайте, вы никогда не замечали, что у вашего Бонго есть... ну, кое-какие способности, очень редкие и у людей?

Не в силах что-либо скрывать, она кивнула.

– В общем, ваш парень способен чужьи мысли и ощущения других. Принимать их... можно сказать, как радиоприёмник. Особенно мысли и чувства любимого, близкого существа. А любит он только вас, ещё раз говорю. Понятно?

Она неопределённо пожала плечами.

– Понятно-то понятно, но... Вы сами говорите, я должна быть близко. Значит, вы точно знаете место, где...

– Если бы я точно знал, – внушительно сказал Кромарти, – то мы бы туда явились с нарядом полиции. Увы, нет. Нам известно только одно: ваш Бинго... то есть, Бонго – в этом городе. И, скорее всего, не в уважаемом центре, а где-то тут, возле порта.

Сыщик внимательно огляделся по сторонам, – и заговорил ещё тише, ещё интимнее:

– Надо максимально усилить ваш психический передатчик. Ваши чувства. Чтобы он их уловил и за километр, и за два...

– А... как это?

– Постарайтесь понять меня правильно, другого выхода у нас нет!.. – Кромарти сжал губы и нахмурился, точно ему трудно было произнести следующие слова. – Эльвира, вам должно быть плохо. Больно. Если он учует, что вам очень плохо, он сломает все замки, разорвёт все путы и примчится на помощь!

Эльвира снова кивнула – механически, потому что уже на-

чала подозревать, что сейчас предложит Георг. И захотелось ей тут же, не раздумывая, дёрнуть обратно в гостиницу, а там и на вокзал. Но понимала циркачка отлично, что не тронется с места, поскольку этот щуплый черноглазый дьявол прав, и нет иного способа «выйти» на Бонго.

Она схватилась за соломинку:

– А если... ну, может же такое быть, чтобы его держали за такими крепкими замками, что он... не сумеет вырваться? Будет биться, кричать... его ещё убьют, не дай Бог!

– Не убьют, ручаюсь, пальцем не тронут, – отрезал Кромарти. – Он им живой нужен, живой и невредимый, иначе хозяин с них голову снимет. Это большие деньги. Поэтому, кстати, его вряд ли связали по рукам и ногам и держат в каком-нибудь чулане. До поры, до времени ваш Бонго должен находиться в комфорте, на относительной свободе... чтобы поменьше заподозрил относительно своего будущего. Его, небось, ещё и ласкают, и сладостями закармливают.

– Без меня он кушать не будет...

Эльвира сама себя оборвала, громко всхлипнув... Видимо, её интуиция вчера подсказывала именно такой поворот событий, потому и этот Кромарти внушал неприязнь. Но – крыть нечем. Бонго и вправду прибежит откуда угодно, если «мамочке» будет больно и страшно. И пусть только прибежит, пусть вернётся, – а там уж она сумеет защитить его от всего, от всех...

Мужественно шмыгнув носом и осушив глаза, девушка

спросила как можно твёрже:

– Что мне надо делать?

Сыщик заговорил мягко, убеждающее:

– Прежде всего, заранее простите меня за всё, что я вынужден буду делать. Хотя, видит Бог, я бы предпочёл целовать ваши пальцы... – Поёжившись, она отдвинулась; сыщик продолжал, как ни в чём не бывало: – Главное, не сдерживайте себя. Я не обижусь, если пару раз двинете меня, хе-хе... Захочется кричать, вопите изо всех сил. Зовите его по имени. В общем, полная естественность и раскованность...

VI

Он никогда не думал, что это может быть столь ужасно.

Вопреки своим надеждам, Бонго не пошёл камнем ко дну; его мотало из стороны в сторону... Бросаясь с корабля, шимпанзе был уверен, что пройдёт несколько мгновений, и погаснет для него белый свет. Но не тут-то было! Когда наш герой разинул рот, чтобы вздохнуть, в его горло хлынула круто солёная, пахнувшая бензином вода. Бонго попытался было крикнуть, – ещё хуже! Море врывалось в ноздри, в уши; он оглох, его желудок был полон, – но беглец жил, а значит, страдал! Наконец, якорем устремился бедняга в глубину...

И тут Бонго схватили за шиворот – уверенно и крепко, причинив изрядную боль. Будто рыбу на крючке, его вытаскивали прочь из солёной тьмы.

Люди, плывшие в небольшой лодке, – спасители, – с виду были самые обычные. У подвесного мотора сидел негр, из моря Бонго вытаскивал белый. Обоим с виду под тридцать, росту хорошего (с метровой глубины вперёдсмотрящий достал обезьяну, не слишком нагибаясь). На белом – нечто вроде лёгкого серого комбинезона; на чернокожем – широкие штаны со множеством карманов и линиялая зелёная майка, украшенная двумя кругами, синим и розовым. Лицо у белого загорело почти до негритянской черноты, зато волосы, брови, ресницы и покрывавшая щёки борода были предель-

но выбелены солнцем, – получился сущий негатив. Негр же был, как положено, губаст, курнос, глаза имел близко посаженные, зато яркие и блестящие, будто тёмные алмазы; глядя на такое лицо, хочется улыбнуться... Но всё это Бонго рассмотрел позже. Пока что лишь сообразил, что его добровольная гибель в грязной бухте откладывается.

Беглеца хорошенько встряхнули и посадили на среднюю скамью, именуемую на море банкой. Затем белый чрезвычайно умело ухватил обезьяну за затылок и кобчик, нагнул до полу, потряхнул ещё раз, – и Бонго в два счёта освободился от постылого внутреннего груза...

Негр тем временем вывел лодку из теснины между бортами больших судов – и, ловко увернувшись от набиравшего ход танкера, двинулся в открытое море. Курс держали на конец змеистого мыса, отсекавшего акваторию порта.

Причалив туда, оба спасителя вышли на пустынный берег. Белый вынес всё ещё дрожавшего Бонго и бережно усадил его на гальку, под большую глыбу. Затем из ящика на корме были извлечены термос со сладким чаем, кусок сыра и пара довольно кислых яблок; всему этому шимпанзе охотно отдал должное, люди тоже перекусили. Скоро беглец обсох, приободрился, – а главное, ощутил, как рассеивается в нём душевный мрак. Он почему-то верил этим двоим, особенно негру; верил, что уж они-то не дадут ему пропасть, – и будущее не казалось безнадежным. Вот если бы эти добрые мужчины ещё взяли бы да вернули Бонго в родимый цирк,

к Эльвире...

В этот миг, дожёвывая яблоко, шимпанзе услышал голос наставницы. Точнее, её внутренний крик. Его единственную подругу и покровительницу терзали, она кричала об этом всем своим естеством.

Бонго вскочил. В который раз проклиная человеческую тупость, языковую стену между миром животных, где царит взаимопонимание, и единственным отколовшимся от этого мира видом Ното, – глядя на спасителей отчаянными глазами, он залопотал всё громче, заметался, ударил себя в грудь кулаками... Наконец, Бонго бросился к лодке и стал изо всех своих немалых сил отталкивать её от берега.

К счастью, новые знакомые наверняка имели дело с большими обезьянами... Через минуту лодка уже мчалась прочь от мыса. За руль сел белый; судя по всему, он вполне доверял жестам Бонго, который, мыча и приплясывая на носу лодки, всё время указывал на некую точку вдаль. Там подходил к морю город, стояла рыбацья слобода.

Чернокожий спрашивал его, ласково и настойчиво: «Там твой друг, да? Ему плохо? Где он, где?..» Шимпанзе и сам не слишком точно знал, куда плыть, однако его продолжал звать неслышный для прочих голос Эльвиры, – голос боли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.